

УДК 81'272

ВИДЫ МЕТАЯЗЫКОВЫХ КОММЕНТАРИЕВ В ТЕКСТАХ Д.В. ГРИГОРОВИЧА

Д.А. Романов

Доктор филологических наук, профессор,
руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований
e-mail: kafrus@rambler.ru

М.А. Кучерова

Аспирант кафедры русского языка и литературы
e-mail: maryread409@gmail.com

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

В статье метаязыковое комментирование рассматривается как один из коммуникативных приемов, применяющихся при оформлении сообщения. Особое внимание уделяется разнообразным трактовкам изучаемого понятия в научной литературе. Отмечается коммуникативный потенциал метаязыковых комментариев: подобные речевые отрезки способствуют корректному, целостному декодированию информации. На материале художественных произведений Д.В. Григоровича исследуются различные виды метаязыковых комментариев, вводящихся повествователем в зависимости от условий и целей их употребления: семантические, прагматические, параметрические. В ходе работы используются преимущественно методы анализа, сопоставления и систематизации языковых единиц. В результате исследования разрабатывается общая типология метаязыковых комментариев.

Ключевые слова: *метаязыковой комментарий, метатекст, теория коммуникации, коммуникативное пространство, художественный текст.*

Введение.

Как известно, в основе эффективного общения лежит принцип коммуникативного сотрудничества [Стернин 2012], проявляющийся главным образом в учете адресантом воздействия своей речи на адресата, или коммуникативности, т.е. «способности... передавать правильно свои мысли, чувства, эмоции так, чтобы они правильно были поняты, восприняты другим человеком (собеседником)» [Нелюбин 2003]. Значительную роль играет также принципиальное избегание любых проявлений коммуникативной деструкции [Левицкий 2020]. При несоблюдении обозначенных условий сообщение может интерпретироваться неверно, вследствие чего продуктивность коммуникации снижается или вообще сводится к нулю. С целью предотвратить подобные трудности продуцент речи, «параметрируя мыслимое пространство», т.е. подбирая наиболее соответствующие формы для выражения смысла, и «признавая возможности своего

коммуникативного воздействия» [Вдовиченко 2017: 52], нередко вводит метаязыковые комментарии, маркирующие те языковые единицы, употребление которых, по его мнению, способно вызвать риск возникновения «очагов коммуникативного напряжения» [Ведрева 2005] (например, недостаточность или отсутствие языковых или контекстуальных средств, необходимых для интерпретации, их стилистическое несоответствие ситуации общения и др.).

Метаязыковые явления имеют в современной лингвистике неоднозначную трактовку. Например, А. Вежбицкая рассматривает в качестве «метаязыковых нитей» те отрезки речи, которые не только указывают на тему сообщения (*Если речь идет о...; Что касается...; Насчет...*), но и подчеркивают связь между различными его фрагментами (*между прочим, обратите внимание, впрочем* и т. п.) [Вежбицкая 1978]. По мнению Р.О. Якобсона, метаязыковое высказывание – это речь, «предметом которой становится сам код» [Якобсон 1975: 202], или знаки языка, функционирующие только как интерпретационные компоненты сообщения. М.В. Ляпон принимает за единицы «метаязыкового назначения» только те, «при помощи которых говорящий контролирует свои операции с языком...» [Ляпон 1986: 54]. Маркерами в этом случае будут выступать такие конструкции, как *в том смысле, если хотите, точнее говоря, так сказать* и т.п. Эти метаязыковые единицы тесно соприкасаются с субъективно-модальными элементами речи.

Придерживаясь преимущественно позиции Р.О. Якобсона, метаязыковым комментарием мы будем считать такой отрезок речи, который содержит в себе указание на «код» сообщения, в частности, на семантику, причину выбора и другие факторы использования комментируемого речевого знака. Подобные отрезки находятся вне основного текста (вне повествования, вне фабулы) и выступают только как замечания относительно употребляемых языковых единиц. По утверждению Н.Б. Мечковской, «метаязыковая функция реализуется во всех устных и письменных высказываниях о языке...» [Мечковская 1994: 21].

Например, метаязыковым комментарием является отрезок речи, сопровождающий толкование лексемы *чутье* в следующем текстовом фрагменте: «...*Чутьем, в том смысле, как мы его здесь принимаем, называется тонкая способность понимать и чувствовать, когда надо говорить и сколько именно; где надо замолчать, действовать и бездействовать, и в какой именно мере делать то и другое...*» (Григорович, «Скучные люди», т. 1, с. 15). Адресант маркирует субъективные сведения о значении используемого слова, которые, по его мнению, способствуют более точной интерпретации смысла сообщения.

В текстах художественной литературы, где в качестве продуцента речи выступает не только и не столько персонаж, сколько автор

(повествователь, нарратор), такие метаязыковые комментарии особенно значимы для полноценного понимания произведения. «Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые» [Лотман 1998: 24]. Следовательно, правильное «декодирование» всех его элементов способствует более целостному восприятию картины мира автора.

Дмитрий Васильевич Григорович известен как писатель преимущественно благодаря детальному изображению быта простого народа и представителей мира искусства. В его произведениях широко представлены различного рода речевые конструкции, непосредственно отражающие особенности авторского восприятия мира и способы его интерпретации в языке, что является важным аспектом национального языкового сознания.

Материалы и методы.

Предметом данного исследования являются метаязыковые комментарии (МК), вычлененные из художественных текстов Д.В. Григоровича посредством методов поиска и селекции. Проанализировав и сопоставив между собой различные условия и цели употребления языковых единиц, мы классифицировали отдельные типы МК по нескольким основаниям.

Результаты.

Рассматривать обозначенные единицы можно в трёх функциональных аспектах. **Семантический аспект** подразумевает исследование МК с опорой на его функцию уточнения значения речевого знака: такие МК предназначены в первую очередь для конкретизации семантики или экспликации выбора лексико-семантического варианта (ЛСВ), в наибольшей степени соответствующему изображаемому понятию. С точки зрения **прагматики** МК исследуются как языковые единицы с учетом условий их применения адресантом в конкретной речевой ситуации «со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [Моррис 2001: 71]. **Параметрический аспект** связан с особенностями речи отдельно взятой личности, способной проявлять свои основные свойства в процессе коммуникативной деятельности, или социальной группы, употребляющей присущие ей речевые знаки. Заметим, что выделенные аспекты в рамках одного высказывания могут пересекаться и дополнять друг друга, не вступая при этом в противоречие: отдельный речевой отрезок возможно рассматривать и в семантическом, и в прагматическом, и в параметрическом аспектах одновременно.

Одной из наиболее ярко выраженных идиостилистических особенностей прозы Д.В. Григоровича является использование большого

количества семантических МК. В зависимости от функции, которую они могут выполнять в высказывании, можно выделить три их вида:

1) МК, конкретизирующие значение слова и отражающие определенную степень объективности изображаемого: «...из журнального мира он вынес только **название** «господина, пахнувшего пережжженным ромом»...» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 18), «...под... кровлею хижины, живописно расположенной в Апеннинских горах, **переименованных** ими в *monte Perpi*...» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 25); «**Название** липких основано, впрочем, на том, я полагаю, что руки особ этого разбора сохраняют постоянно какое-то влажное, липкое свойство...» («Скучные люди», т. 1, с. 16); «...маленький Ягозин (**так его звали**) всегда, между тем, был отличаем начальниками...» («Карьерист», т. 3, с. 64);

2) МК, сопровождающие метаязыковой подбор лексико-семантического варианта, максимально соответствующего описываемому явлению действительности: «— А что, разве дурно кормят?.. — **Какое** кормят!.. Я вам **скажу** — вовсе не кормят!..» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 19); ««...судьба, **так сказать**, лишает его счастья продолжать путь с таким... приятным соседом...» («Скучные люди», т. 1, с. 17); «...в парадных дверях — **если только можно дать им это название** — вместо двух половинок одна...» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 19);

3) МК, устанавливающие этимологические связи речевого знака: «Трудно определить **происхождение** слова "шарманщик"; тем более трудно, что оно, кажется, родилось на Руси и обязано жизнью простолюдию... <...> и все-таки не придумаешь, почему выразился он так, а не иначе, **назвал** орган шарманкой, а не оглоблей... <...> первоначальное слово было: ширманка, и произошло от ширм, из-за которых Пучинелла... звонким своим голосом призывает зевак и любопытных...» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 27); «Происходя из чисто русской фамилии Ипатовых (**невозможно, кажется, подозревать примесь чего-нибудь иноземного**), он ненавидел все русское...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 72).

Кроме того, среди высказываний, маркированных семантическими МК, можно выделить несколько синтагматических (связанных с определенными сочетаниями МК с опорным словом) групп, наиболее характерных для прозы Д.В. Григоровича.

1. МК при антропонимах:

а) при личных именах и фамилиях: «**Петр (так звали сына)** был одним из лучших работников...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 77); «...может, знаете, старик живет, Карпом звать?..» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 74); «...у Герасима (**так звали люблинского мельника**) — ни за что не остался!»

(«Пахатник и бархатник», т. 8, с. 76); «**Зинаида Львовна (так звали Лутовицыну)** заложила втихомолку от мужа последние бриллианты...» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 20); «**Господин этот, по фамилии Свинцов, был фанатическим поклонником Волынского...**» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 75);

б) при прозвищах и других номинациях человека: «...этот опиумный господин **(так звали его в первой гостиной)**, производил совершенно противоположное действие...» («Скучные люди», т. 1, с. 17); «...заговорил длинный человек тоненькой, надорванной фистулой, которая заслужила ему еще с детства **прозвище Воробья...**» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 76); «...пожимая руку Свинцову, которого **называл** всегда субъектом, вполне достойным своей фамилии...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 77); «...одна из тех личностей, которых **называют** лихими малыми...» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 21); «**Лица... которые называли его "Петербуржским Леотаром..."**» («Карьерист», т. 3, с. 65).

2. МК при номинации географических объектов:

а) при топонимах (преимущественно сельских ойконимах): «...случалось, проходя мимо Глиница **(так звали место)**, слышать подземный жалобный стон...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 78); «...**Есть, сударь, у нас деревня, Рожновка прозывается...**» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 19);

б) при микротопонимических номинациях: «...поле не господское, "мирское" **{Мирским полем называется часть земли, которая отрывается крестьянам для посева хлеба, поступающего потом в так называемые магазины... (прим. автора).}**...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 73);

3. МК при номинации объектов живой природы (зоонимах, фитонимах и проч.): «**Картина оживлялась бесчисленным множеством стрижей – маленьких птичек вроде ласточек...**» («Смедовская долина», т. 7, с. 19);

4. МК при номинации разного рода явлений действительности и форм ее освоения: «**"Вид города Сызрани" (такого рода пейзажи состоят обыкновенно из маленьких пригорков в виде сахарных головок, расположенных один на другом, с травкою на каждой вершинке и увенчанных рядом кривых куполов)...**» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 26); «...известным способом, **то есть без помощи чего-нибудь постороннего...**» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 24).

Стоит обратить внимание на то, что семантическими МК особенно богаты физиологические очерки Д.В. Григоровича «Петербургские шарманщики» и «Скучные люди», содержащие, в том числе в силу жанровой специфики, разнообразные примеры использования метаязыковых единиц, маркирующих лексико-семантические варианты –

как более уместные для изображаемой ситуации. Нередко это делается в целях создания комического или особого эстетического эффекта с учетом читательской аудитории, которой описываемые явления, разумеется, были знакомы, но в сущность этих явлений, в их разновидности и характерные особенности до произведений Григоровича никто не вдумывался и не вглядывался.

Например, структура очерка «Скучные люди» представляет собой последовательную интерпретацию различных лексико-семантических вариантов, относящихся к номинации человека, которого, по мнению автора, с определенной долей условности можно назвать «скучным», т.е. сама композиция произведения построена на основе семантического МК: «...покажешь этак палец, вдруг засмеется, ей Богу! и до самого вечера все смеется!... <...> Таких весельчаков **принято называть: блаженными...**»; «...эти не так еще скучны; но вот другой разряд: **это так называемые стрекозы...**»; «...Фразеры. – Под этим **названием** **разумеют особь двоякого разбора...**» («Скучные люди», т. 1, с. 19) и т. д.

Группа семантических МК является наиболее частотной для текстов Д.В. Григоровича.

В самом общем понимании, **прагматика** определяется как отрасль лингвистики, предметом которой, в отличие семантики, являются условия употребления продуцентом тех или иных языковых единиц, или отношения между говорящим и используемыми им речевыми знаками. Соответственно, в прагматическом аспекте МК рассматриваются как сигнификатор подобных отношений, выводящий в литературном тексте социальный статус тех или иных языковых единиц на «поверхность художественного изображения». Как правило, продуцент применяет МК с целью нивелировать потенциальный дискомфорт, являющийся фактором снижения эффективности коммуникации и возникающий преимущественно в связи с неоправданным использованием стилистически маркированных единиц.

Так, по стилевой принадлежности выделяемого речевого знака МК можно разделить на те, которые сопровождают два типа лексики:

1) сниженную лексику: «...потом, **позволь сказать тебе, что ты порядочный гусь!..**» («Школа гостеприимства», т. 2, с. 22);

2) книжную лексику: «...стены и потолок усеяны теми приятными насекомыми, которые пользуются честью носить название, одинаковое с известным европейским народом. **(Я выразился бы и проще; но боюсь людей, не привыкших "сморкаться" там, где есть возможность "обойтись посредством платка"...)**» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 27).

Высказывания такого типа в большинстве случаев содержат метаязыковой комментарий в виде конструкций, при помощи которых продуцент стремится снять с себя ответственность за употребление

неуместных или уместных не в полной мере речевых знаков. Такие конструкции могут приводиться в форме извинения, предупреждения или отсылки к третьему лицу, автору выделяемых слов. К примеру, подобная отсылка содержится в следующем фрагменте: «*Это не мешало, однако ж, самому Никанору жить, как говорится, свинья-свиньей...*» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 27), где в качестве предполагаемого продуцента выступает некоторая общность лиц, употребляющая, по мнению нарратора, маркируемую речевую единицу.

Помимо этого, последние могут быть разделены по количеству цитируемых объектов:

а) отсылка осуществляется к словам отдельного лица: «*...были мы тогда молоды! адски молоды!.. О, молодость! " О, моя юность! о, моя свежесть!" как говорит Гоголь!..*» («Скучные люди», т. 1, с. 18);

б) отсылка осуществляется к общности лиц: «*...я встречал его всюду, на всех пунктах, где только в урочный час показывается "высшее дворянство", как печаталось когда-то в афишах увеселительных садов...*» («Карьерист», т. 3, с. 64).

Ориентируясь на *параметрический аспект*, можно выделить группу МК, которые отсылают реципиента к подлинному автору слов. В отличие от прагматической отсылки, носящей общий, социальный характер, параметрические МК имеют целью представить особенности языка конкретных людей. Эти конкретные люди так или иначе связаны с коммуникацией, представленной в художественном тексте: автор, персонажи, свидетели воплощаемых событий и т.п. Параметрические МК, как и прагматические, с точки зрения источника могут быть двух типов:

1) индивидуальные: «*...Сизой [нёс] залился звонким лаем и, распушив хвост, полетел делать распоряжок, как говорил дядя Савелий...*» («Смедовская долина», т. 7, с. 20) – тогда частный набор речевых параметров непосредственно связан с идиолектом;

2) групповые, объединенные языковыми особенностями социального, профессионального или территориального характера (например, диалектом, – в том числе социальным): «*Он имел обыкновение выезжать на страшной паре вороных, которых охотники называли "чертями и дьяволами", а остальные смертные – "лошадьми не позволительного свойства"...*» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 75).

Параметрические МК могут отражать характеристику их автора с различных позиций:

а) как носителя каких-либо личностных качеств: «*...он считал всегда, что знакомство с Россией достигнуто в совершенстве, когда произнесешь слово – "тундра"...*» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 78); «*...и с тех пор, всюду его преследует; осведомляется о том, что он пишет и скоро ли думает подарить читателей (страстных поклонников*

его таланта!) – новым произведением... *Это собственные слова незнакомца*» («Скучные люди», т. 1, с. 19);

б) как носителя языка, характерного для территориальной группы людей, жителей определенного населенного пункта и т.п. (территориального диалекта): «...часто без всякой видимой цели я отправляюсь из Хлыщовки *(так величают первую мельницу)*...» («Смедовская долина», т. 7, с. 20);

в) как носителя языка, присущего социальной группе (социального диалекта), которой он [автор] принадлежит: «...я назначил всего *пятнадцать [рублей] с семейства – с тягла, как там называют...*» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 76). Тягло – ‘единица обложения повинностями внутри помещичьего владения в крепостническом хозяйстве XVIII – XIX вв.’ [МАС: 4: 436]. Показательным примером параметрического МК социальной группы является выделенный ниже фрагмент в диалоге молодых дворян из повести «Пахатник и бархатник»:

«– Они [дела] ограничиваются... прогулкой по Театральной улице...
– Говорят – улица любви! <...> Вступив в круг театралов, ты должен говорить их языком и называть вещи настоящим их именем...» («Пахатник и бархатник», т. 8, с. 75).

Как уже было отмечено, обозначенные аспекты МК (семантический, прагматический и параметрический) могут реализоваться одновременно в пределах одного высказывания, в чем можно убедиться, обращая внимание на приводимые ниже иллюстрации.

Например, в следующем фрагменте МК не только выполняет функцию конкретизации объективных сведений о топониме, но еще и характеризует особенности речи территориальной группы людей: «Под именем "Смедовской лощинки" *поселяне западной и гористой части К*** уезда разумеют* небольшую долину, соединяющую две старые водяные мельницы, построенные на самом берегу речки Смедвы...» («Смедовская долина», т. 7, с. 22). А в текстовом отрезке «...он вынужден бесчестить *(так выражается гаер)* благородное ремесло свое...» («Петербургские шарманщики», т. 1, с. 25) метаязыковой комментарий можно рассмотреть и с точки зрения семантики (сопровождение подбора наиболее точной речевой единицы *бесчестить*), и с точки зрения прагматики (употребление книжной лексики с отсылкой к автору), и с точки зрения параметрического набора (особенность речи *гаера* как субъекта, занимающегося определенным родом деятельности: *гаер* – ‘в старину: шут в барском доме’ [МАС: 1: 296]).

Обсуждение результатов

Приведенный выше языковой материал позволяет установить наиболее частотные единицы, использующиеся в текстах Д.В. Григоровича в качестве маркеров метаязыкового комментирования. Это все формы глагола *звать*, производные от него *назвать (называться)*, *зваться* и др.,

глагольная форма презенса *говорят*, субъективно модальные конструкции *так сказать, можно сказать, как говорится, выражаться*, конструкции с существительными *имя, фамилия, прозвище, название*.

Тексты русской классики XX века весьма показательны в плане реализации МК, поскольку они реалистически отражают действительные особенности человеческой коммуникации. Уже не раз отмечалось, что реалистический текст выступает некой моделью коммуникативной практики, наблюдение за которой вполне возможно с опорой на него. Не абсолютизируя данное утверждение и понимая, что между содержанием художественной литературы и реальностью есть определенная дистанция, мы вместе с тем полагаем, что произведения Д.В. Григоровича могут быть основой более широких (чем просто художественно-творческие) выводов о деталях человеческого общения. Объясняется это прежде всего тем, что Григорович близок к очерковому жанру и большинство его произведений либо являются очерками в полном смысле этого слова, либо тяготеют к очерковости, поскольку опираются на факты действительности, наблюдения писателя над различными социальными слоями современного ему общества и носят по сути близкий к документальному характер. Приведенная особенность позволяет экстраполировать выводы, сделанные методом наблюдений над художественным творчеством Григоровича, на коммуникативные ситуации и практики русской речи.

Общую типологию метаязыковых комментариев, разработанную на основе анализа текстов Д.В. Григоровича можно представить таким образом:

МК в семантическом аспекте:

МК по функции в отношении маркируемой единицы:

Конкретизация значения слова.

Экспликация происхождения слова.

Подбор наиболее уместного ЛСВ.

МК по теме маркируемой единицы:

Антропонимы: личные имена, фамилии, прозвища и др.

Географические объекты: топонимы и другие топонимические номинации.

Явления живой природы.

Другие явления действительности.

МК в прагматическом аспекте:

МК по стилевой принадлежности маркируемой единицы:

Низкого стиля.

Высокого стиля.

МК по форме выражаемого отношения к маркируемой единице:

Предупреждение.

Извинение.

Отсылка.

МК в параметрическом аспекте:

МК по количеству объектов цитирования:

Отдельное лицо.

Совокупность лиц.

МК по характеру описываемого элемента:

Личностное качество.

Социолект.

Диалект.

Заключение.

Предложенная классификация метаязыковых комментариев, безусловно, требует дополнений и уточняющих модификаций, способствующих её усовершенствованию в рамках изучения творчества автора. Д.В. Григорович оставил достаточно большое художественное наследие, разносторонне представляющее коммуникацию в разных социальных стратах: простонародья, низших и средних городских классов, дворянства, светской аристократии, художественной творческой интеллигенции и т.д. Социолингвистическое разнообразие воплощаемых Григоровичем коммуникативных ситуаций интересно еще и потому, что оно представляет вторую половину XIX в., а следовательно, более подробно и детально, чем у его предшественников в литературе, что обусловлено самим творческим методом зрелого критического реализма, установившегося в русской литературе в этот период.

Следует отметить, что приведенная выше классификация в её общезыковом понимании может быть обогащена и за счет других литературных источников того же или более позднего периода.

Тем не менее уже осуществленную систематизацию материала можно считать определенным достижением для коммуникативной лингвистики. Она открывает значительные перспективы в исследовании метаязыка как в текстах художественной литературы, так и в речевой деятельности в целом.

Библиографический список

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Радуга, 1978. С. 402–424.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Владос, 2005. 384 с.

Вдовиченко А.В. «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели»: проект, смыслообразование, общение // Вопросы психолингвистики. 2017. № 32. С. 50–61.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1985 – 1988.

Григорович Д. В. Полное собрание сочинений в 12-ти томах. Изд. 3-е. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1896.

Левицкий А.Э. Межкультурные конфликты и пути их преодоления (на материале англоязычной художественной прозы 1-ой половины XX века) // Человек в современном коммуникационном пространстве. Коллективная монография. Иваново: ЛИСТОС, 2020. С. 42–49.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 704 с.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. Монография. М.: Наука, 1986. 200 с.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. 207 с.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Академ. Проект, Деловая кн., 2001. С. 45–98.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

References

Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta. M.: Raduga, 1978. S. 402-424.

Vepreva I.T. Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu ehpkhu. M.: Vados, 2005. 384 s.

Vdovichenko A.V. «Razrabotka kommunikativnoi modeli verbal'nogo protsessa v usloviyakh krizisa yazykovoii modeli»: proekt, smysloobrazovanie, obshchenie // Voprosy psikholingvistiki. 2017. № 32. S. 50-61.

MAS – Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. AN SSSR, In-t rus. yaz. Pod red. A.P. Evgen'evoi. 3-e izd., stereotip. T. 1-4. M.: Russkii yazyk, 1985 – 1988.

Grigorovich D. V. Polnoe sobranie sochinenii v 12-ti tomakh. Izd. 3-e. SPb., izd. A. F. Marksa, 1896.

Levitskii A.E. Mezhhul'tumye konflikty i puti ikh preodoleniya (na materiale angloyazychnoi khudozhestvennoi prozy 1-oi poloviny XX veka) // Chelovek v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve. Kollektivnaya monografiya. Ivanovo: LISTOS, 2020. S. 42-49.

Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1998. 704 s.

Lyapon M.V. Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. Monografiya. M.: Nauka, 1986. 200 с.

Mechkovskaya N.B. Sotsial'naya lingvistika: Posobie dlya studentov gumanit. vuzov i uchashchikhsya litseev. M.: АО «Aspekt Press», 1994. 207 s.

Morris C.U. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika / pod red. YU.S. Stepanova. M.: Akadem. Proekt, Delovaya kn., 2001. S. 45-98.

Nelyubin L.L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'. 3-e izd., pererab. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 s.

Stemin I.A. Osnovy rechevogo vozdeistviya. Uchebnoe izdanie. – Voronezh: «Istoki», 2012. 178 s.

Yakobson R.O. Lingvistika i poehtika // Strukturalizm: «Za» i «Protiv». Sb. statei. M.: Progress, 1975. S. 193-230.